

*Анатолий Штырбул
доктор ист. наук, профессор
Омского государственного
педагогического университета*

**Глава I. ИДЕИ АНАРХИЗМА И СИБИРСКАЯ "ПОЧВА".
Исторические предпосылки анархистского движения в Сибири.**

(из работы «Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века:
антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: теория и
практика»)

Анархизм, как антигосударственное движение за самоуправляющееся общество, основанное на принципах социальной справедливости, не был для Сибири случайным явлением. Чтобы понять закономерность достаточно широкого распространения анархизма в 1-й четверти XX в., необходимо заглянуть в глубь веков. Корни этого движения восходят прежде всего к традициям таких, на первый взгляд, различных явлений, как сибирское казачество, разбойничество, русская "Крестьянская переселенческая община, раскольниковство /старообрядчество/. Эти явления, широко представленные в Сибири на протяжении нескольких веков, отражали в зародыше две стороны анархизма: разрушительную и созидательную, неся в себе как зерно антигосударственного /антиэтатистского/ протеста, так и зерно негосударственного самоуправляющегося общества.

Казачество в Сибири с самого своего возникновения формировалось как служилое сословие [1], то есть как придаток государства, что отличало его от первородных - Донского и Запорожского. Однако и в этих условиях общинные казачьи традиции продолжали существовать в Сибири. Необходимо отметить, что на территории Российской империи не было ни одного казачьего войска, в формировании которого не принимали бы участия донские и украинские казаки - носители свободного духа первородных "казачьих республик", возникших как очаги негосударственной самоорганизации и самоуправления социальных низов. Сибирское казачество не было исключением: донские и украинские казаки сыграли в его формировании значительную роль [2]. Несмотря на изначальный служилый статус, дух свободы от феодального государства и вольные казачьи традиции просыпались и у сибирских казаков. Так, бывший украинский сотник Н.Черниговский стал во главе восстания в Илимском. В 1665 г. повстанцы, убив местного деспота-воеводу Л.Обухова, ушли на Амур, укрепились там в Албазине и сохраняли самоуправление до 1674 г., когда получили прощение от властей. Известны волнения и восстания казаков в Томске, Красноярске, Нерчинске Якутске, на Ишимской и Кузнецкой сторожевых линиях в XVII-XVIII вв. Во время крестьянской войны Е.И.Пугачева в Западной Сибири действовали повстанческие отряды под командованием ссыльного атамана Ковалевского [3].

Даже в условиях жесткой привязки сибирского казачества к феодально-государственной машине элементы самоуправления продолжали существовать на протяжении столетий, хотя их размеры постоянно уменьшались, отражая эволюцию нестандартных казачьих обществ к феодальной цивилизации, что прослеживалось во всех без исключения казачьих районах России. Переломным в этом процессе стал XVIII век. По мнению исследователя А.С.Зуева, "ответ на вопрос, в каких масштабах и рамках /в Сибири/ сохранились традиции служилого "мира", служилого самоуправления после петровской "бюрократической революции", пока остается

открытым"[4]. В. Н.Шерстобоев считал, что в XVIII в. у служилых людей "не было своей организации, своего самоуправления". Н.А.Миненко, напротив, утверждала, что "казакам предоставлялась во многих вопросах определенная самостоятельность", которая "значительно уменьшилась" к началу XIX в. Она подчеркивала, что общинные традиции казачества не пресеклись на рубеже XVII-XVIII вв. А.С.Зуев, очень осторожно подходя к этому вопросу, отмечает в XVIII в. многочисленные проявления казачьего самоуправления в Сибири на низовом уровне и, при этом, фиксирует своеобразный момент: государственная власть, стремившаяся к абсолютной централизации, бюрократизации и формализации, допускала на окраинах страны, в самом низшем звене государственного управления возможность государственным служащим /а сибирские служилые казаки являлись таковыми/ самим распределять между собой служебные обязанности, то есть возможность выборов[5].

При известной разнице в оценках и подходах все названные авторы фиксируют тенденцию свертывания казачьего самоуправления в Сибири, что совпадало с подобными процессами в других казачьих районах Российской империи. Казачество, как самобытный очаг негосударственного самоуправления и общественной самоорганизации, постепенно утрачивало в условиях феодализма эту свою уникальную роль.

Характерная для первородного казачества антифеодалная роль в этих условиях отчасти перешла на территории Сибири к разбойничеству. Традиции разбойничества здесь восходят так же, как и традиции казачества, к средневековью и берут свое начало, вероятно, от ушкуйников - полупромысловых, полуразбойных отрядов новгородцев. Разбойничество, как таковое, существовало в Сибири на протяжении XVII - начала XX вв. и носило, как правило, уголовный характер. Однако время от времени к этому примешивались и социальные мотивы. Так, начиная с 70-х гг. XVIII в., социальный характер разбоев в Сибири усилился, хотя официальная бюрократическая терминология источников не всегда позволяет его обнаружить. Однако факты свидетельствуют, что в конце XVIII в. уголовный разбой определенно переплетался и чередовался с моментами социального мщения и попытками перераспределения имущества. Наиболее ярким фактом такого рода разбойничества была деятельность Афанасия Селезнева. А.Селезнев, который уже при жизни стал легендарным героем, и память о котором сохраняется в народе в течение двух столетий, был родом из местных крестьян-старожилов, в 1747 г. приписанных к Колыванским заводам. Деятельность Селезнева, поддержка, которую ему оказывало население округа, отражали стихийный протест против круто изменившегося положения крестьян. Селезнев вовсе не был озлобившимся разбойником-профессионалом, превратившим грабежи в принцип своего существования. Отбиваясь от сыскных команд, он, естественно, в глазах властей превратился в разбойника, но для крестьян он был народным мстителем и заступником.

А.Селезнев - не единственный разбойник такого рода. В 1771 г. "беглые воры и злодеи" Петр Бочаров и Егор Алымов на красноярской дороге ограбили проезжавших иркутских купцов, а деньги и товар роздали окрестным заводским крестьянам. Летом 1798 г. "партия беглых" во главе со Степаном Тюменевым грабила богатых крестьян и купцов, раздавая деньги сочувствующим "шайке" крестьянам.

Отношения крестьян с такими разбойниками иногда носили характер солидарности, которая проявлялась в разнообразных формах: в отказе давать показания о местонахождении беглых, в неповиновении старосте, посылавшем крестьян для сыска, в отказе давать подводы воинской команде [6].

Однако разбойничество, в отличие от казачества, в условиях XVII-XIX вв. не могло сформировать каких-либо социальных очагов, альтернативных существующему строю и имело значение лишь как специфическая форма классово-социальной борьбы.

Явлением, имевшим в себе элементы социальной альтернативности существующему феодальному строю, была русская крестьянская община Сибири. С особой силой общинный авторитет и общинная солидарность, имевшие важное значение в жизни сибирских хлебопашцев XVIII - первой половины XIX вв., сказывались в периоды обострения классово-крестьянской борьбы [7]. Однако и крестьянская община постепенно превратилась в придаток феодального государства.

Что же касается городского самоуправления в Сибири, то оно с самого начала являлось придатком государственной власти.

Наиболее длительным и упорным очагом социального и духовного сопротивления масс феодальному государству и его идеологии - официальной церкви, - стало раскольниковство /старообрядчество/ и, особенно, его левое, радикальное крыло - бегунство. Одновременно старообрядческие общины являлись уникальными очагами негосударственной самоорганизации масс.

Возникший во 2-й половине XVII в. как религиозный конфликт, раскол русской православной церкви вскоре вышел за чисто религиозные рамки. Старообрядчество постепенно превратилось в духовное, идеологическое знамя всех, недовольных феодальными порядками и государственным гнетом. Эпицентр этого движения на рубеже XVII-XVIII вв. устойчиво перемещался на восток страны. В XVIII-XIX вв. среди сибирского крестьянства сформировалась значительная прослойка старообрядцев, для которых неприятие официальной церкви было формой непризнания различных сторон феодальной /а позднее капиталистической/ действительности [8].

Наиболее последовательными в этом отношении были приверженцы старообрядческого толка бегунов /странников/. Они выделились из крупнейшего раскольниковского направления - беспоповцев, - как радикальное его крыло, недовольное своими зажиточными верхами. Бегунство /странничество/ получило широкое распространение в Сибири.

Бегуны не признавали частную собственность, сословность, жизнь в городе, соглашение и сотрудничество с властями [9]. Проповедники бегунства призывали крестьян не платить казенную подушную подать, отказываться от регистрации в переписях /ревизиях/ населения, не исполнять рекрутскую, почтовую, заводскую и другие повинности. Ревизия, как утверждали они, есть "сеть, уловляющая в царство антихриста, средство, прикрепляющее к антихристу". Под последним подразумевалось государство. Сам император /он же одновременно и алтайский помещик/, с точки зрения бегунов, являлся антихристом, а его чиновники и офицеры - "антихристовыми слугами" [10].

В значительной мере с деятельностью бегунов была связана более чем 100-летняя эпопея поисков крестьянами Беловодья - легендарной страны, население которой, согласно представлениям старообрядцев, сохранило старую веру без искажений и жило в условиях братства и справедливости.

Народная традиция помешала Беловодье чаще всего в Сибирь, в район Алтая и прилегающих к нему территорий [11].

В XVIII в. часть гонимых старообрядцев проникла в район верхнего течения реки Бухтармы, правого притока Иртыша. Это была труднодоступная горная местность, находившаяся фактически на нейтральной территории, возникшей на стыке трех гигантов: России, империи Цин /Китая/ и Джунгарского ханства. В середине XVIII в. здесь сложилась выражаясь современными категориями, благоприятная геополитическая обстановка, особенно после того, как джунгарские власти, не желающие, чтобы их подданные платили дань России, приказали племенам алтайцев откочевать в сторону нынешней Монголии [12].

Во 2-й половине XVIII в. беглецы /мастеровые, беглые солдаты, крестьяне алтайских заводов/ основали в долинах рек Бухтарма и Уймон 30 мелких поселков в 2-3 двора. Район расселения беглецов получил наименование "Камень" /по местной терминологии "камни" означало "горы"/. Основными видами хозяйственной деятельности "каменщиков" или бухтарминцев являлись земледелие, скотоводство, пчеловодство и охота. Большинство "каменщиков" были старообрядцами разных толков, поэтому можно лишь частично говорить о религии, как основе возникшего сообщества. Таким образом, у обитателей "Камня" сложилась своеобразная самоуправляющаяся община.

В религиозных и мирских делах бухтарминцами руководили старики и наставники. Житейские конфликты, возникавшие среди членов общины, рассматривались "лучшими людьми", которые избирались на мирском сходе. Процедура судопроизводства носила оперативный характер, в ней соблюдались принципы коллегиальности и гласности. Общественный порядок в этом сообществе основывался на артельном ведении хозяйства, товарищеской солидарности, взаимопомощи и безвластном самоуправлении.

Немногочисленная община бухтарминцев, насчитывавшая несколько сот человек, существовала во враждебном окружении и была объективно обречена либо на уничтожение одной из соседних феодальных цивилизаций, либо на эволюцию к одной из них. Произошло последнее, причем на максимально выгодных в то время условиях. Просуществовав около 30 лет самостоятельно, бухтарминцы обратились к российским властям с просьбой принять их обратно в русское подданство /до этого некоторая часть бухтарминцев безуспешно пыталась перейти в подданство китайское/. В 1792 г. именным указом Екатерины II русское подданство было бухтарминцам возвращено, причем на льготных условиях иноверцев. При этом было даровано прощение, сохранено общинное самоуправление и право общинного суда, предоставлена свобода вероисповедания. Статус инородцев означал уплату ясака, но освобождал от других налогов и рекрутчины /на военную службу бухтарминцев стали брать только с 1878г./ [13].

Своеобразная жизнь бухтарминских "каменщиков" являлась заманчивым примером для русских, в первую очередь, сибирских крестьян, немало способствуя распространению в их среде социально - утопических легенд о далеких землях справедливости и свободы [14]. Пример алтайских "беловодцев" вызвал несколько десятков попыток подражания [15]. Вот лишь некоторые из них.

В 1825 г. в поисках Беловодья бежали 13 алтайских горнорабочих; в 1826 г. - 38 крестьян Бухтарминской волости; в 1828 г. - 79 человек /большинство из них - крестьяне Бийского округа/. В конце 1830-х гг. был предотвращен массовый побег крестьян Алтайской волости. В 1840 г. за пределы Сибири ушла большая группа русских "инородцев" - бухтарминцев. В конце 1850-х гг. 47 семей бегунов из Ишимского и Ялуторовского уездов Тобольской губернии проникли в Усинский /Засаянский/ край и поселились в долине реки Ус, основав село Верхне-Усинское. Летом 1861 г. из Бийского округа под влиянием рассказов братьев Бобровых о Беловодье в поисках этой земли бежали 149 крестьян и инородцев. В 1862 г. слух повторился, но местным властям удалось предотвратить новый коллективный побег [16].

Следует также отметить, что у российских и сибирских бегунов существовала отработанная система конспирации - сеть связей, "пристаней" /тайных прибежищ/, описания маршрутов следования на Алтай и далее /так называемые "путники", "путешественники"/, Таким образом, русский религиозный протестантизм, получивший в XIX в. широкое распространение в Сибири, являлся как составной частью антифеодального, антигосударственного сопротивления, так и очагом негосударственной самоорганизации социальных низов края. Учение радикальных представителей старообрядчества - бегунов являлось характерной для феодального строя формой идеологии угнетенных масс в религиозной оболочке. При этом оно носило некоторые черты,

характерные дня будущего анархистского политического течения. Деятельность и идеи бегунов, равно как и других религиозных протестантов, не могли не отразиться на формировавшейся в России в середине XIX в. революционно-демократической идеологии. Рано или поздно опыт русского религиозного протестантизма в той или иной мере должен был быть востребован идеологами и организаторами российского революционного движения.

Влияние русского религиозного протестантизма и антифеодального крестьянского сопротивления в Сибири на формирование революционной идеологии можно проследить на ярком примере М.А.Бакунина - одного из ведущих основоположников, классиков и вождей российского и мирового анархизма, находившегося в сибирской ссылке с 1857 по 1861 год.

Вспоминая о своей "сибириаде" в письме к С.Г.Нечаеву от 2 июня 1870 г., Бакунин признавался, что другой России, кроме сибирской, по-настоящему не знал. "Итак, в продолжении 30 лет я прожил всего 4 года 19 лет тому назад/, от 57 до 61 на свободе в России, т.е. в Сибири", - оценивал он познавательный смысл общения с отечественной почвой. - "Это, разумеется, дало мне возможность ближе познакомиться с русским народом, с мужиками, с мещанами и с купечеством, и то специально сибирским..." [17] "В Сибири Бакунину впервые за всю его жизнь...,- справедливо отмечал в 1919 г. Б.И.Горев, - пришлось близко познакомиться с будничной, практической жизнью русской провинции" [18]. Сам Бакунин не раз отмечал исключительную ценность подобного опыта.

Новая / в сравнении с 1848-1849 гг./ бакунинская политическая программа, ориентированная на применение в общероссийском масштабе, тем не менее разрабатывалась в Сибири на базе регионального фактического материала. "...Эта программа, - как разъяснял М.А.Бакунин в своем воззвании "К русским революционерам" 1872 г., - не есть выдуманная нами форма, к которой мы хотим приурочить действия народа, - это есть результат изучения народа, народных инстинктов и идеалов"[19]. По мнению В.А.Должикова, бунтарско-анархистская тенденция в мировоззрении Бакунина была генетически связана с социальной программой народного протестантизма. Исследователь убедительно обосновал идейную близость учения М.А.Бакунина с бегунством, а с помощью сравнительного анализа доказал факт прямого заимствования Бакуниным основных элементов социальной программы радикального сибирского староверчества [20].

Революционная специфика первой революционной ситуации на Алтае особенно ярко проявилась в заметном росте активности проповедников бегунства, стремившихся "снизу" идеологически обосновать массовый антифеодальный протест. Период наиболее высокой активности бегунов полностью совпал с пребыванием Бакунина в Томске - административном центре губернии, в которую в то время входил Алтай. Будущий теоретик анархизма не мог не согласиться с убеждением бегунов, что "всякая власть от дьявола". Его также восхищало наличие у бегунов превосходно организованной системы конспиративных связей и так называемых "пристаней". Знакомство Бакунина с деятельностью бегунов-пропагандистов, считает В.А.Должиков, убедило Бакунина в необходимости заимствовать у них социально-политические установки и организационные принципы. Был знаком Бакунин и с уникальным опытом общества бухтарминских "каменщиков", организованного на принципах самоуправления, безвластия и коллективизма, так почитаемых позднее анархистским вождем. Освоение позитивных результатов исторического опыта алтайских бегунов, особенно опыта осуществленного ими социального эксперимента, не могло не способствовать закреплению у Бакунина веры в социалистические идеалы анархо-коллективизма [21].

Поскольку существовавший общественно-государственный строй в Сибири был основан на этатистской модификации феодализма /госфеодализм/, постольку существенным элементом народного самосознания русских крестьян-сибиряков являлись антиэтатистские воззрения,

которые отражали в своей деятельности протестанты-бегуны, а вслед за ними и М.Д.Бакунин. Из Сибири он вынес твердое убеждение в большой перспективности края для будущего революционного обновления русской нации. В программной работе "К русским, польским и всем славянским друзьям", опубликованной в февральском выпуске "Колокола" за 1862 г., он доказывал, что "сибирский народ, живущий по ту сторону Уральского хребта", в социально-психологическом смысле будет "покрепче", нежели "народ Европейской России".

Детально исследовав влияние сибирского фактора на идейно-политическую эволюцию М.А.Бакунина, В.А.Должиков сделал вывод, с которым полностью согласен и автор данной работы: "...Глубокий и логически последовательный антиэтатизм, присущий Бакунину, не заимствован, как утверждают иные исследователи, у западно-европейских мыслителей, а имеет источники национального происхождения. Идейную эволюцию великого Бунтаря в переломный период 1850-х - 1860-х гг. во многом определили факторы, действовавшие в Сибири эпохи первой революционной ситуации. Социальные корни русского анархизма следует ... искать поэтому не на Западе, а на Востоке - в Азиатской России. Важнейший источник генезиса бунтарско-антиавторитарных воззрений М.А.Бакунина - это прежде всего социальное самосознание русских народных пропагандистов-бунтарей Сибири, бескомпромиссно отрицавших глубоко чуждую крестьянству и всем трудящимся края крепостническую систему "государственного феодализма" и "кабинетского землевладения" [22].

Идеи М.А.Бакунина, во многом берущие начало из "сибирской почвы", были в дальнейшем обогащены его революционной деятельностью европейского и мирового масштаба и позднее вернулись на российскую почву, чтобы в соприкосновении с ней, уже в иных исторических условиях, дать всходы анархистского движения в России, в том числе и в Сибири.

Наряду с идейно-теоретическими разработками М.А.Бакунина, определенная связь стихийного бунтарского антиэтатизма и старообрядчества прослеживается также в идеях А.П.Щапова /сибиряка по происхождению/, Л.Н.Толстого, П.А.Кропоткина.

П.А.Кропоткин находился в Сибири /в Иркутске, Забайкалье, Приамурье/ на государственной службе в 1862-1867 гг. По официальной должности он был обязан заниматься составлением статистических отчетов, выполнять поручения по ревизии и контролю, расследовать поступавшие из казачьих станиц жалобы. Такая работа давала богатый материал для размышлений, но сама по себе не могла полностью удовлетворить Кропоткина. Не смиряясь с обстоятельствами, он нашел время для научного самообразования, а разочаровавшись в реформистских идеалах, настойчиво искал новые контакты, идеи, новые пути к общественному обновлению. В 1864 г. П.А.Кропоткин встретился с ссыльным поэтом М.Л.Михайловым, который передал ему книгу Прудона, оказавшую определенное влияние на формирование мировоззрения Кропоткина[23].

Позднее П.А.Кропоткин писал: "Годы, которые я провел в Сибири, научили меня многому, чему я вряд ли мог научиться в другом месте. Я быстро понял, что для народа решительно невозможно сделать ничего полезного при помощи административной машины... С этой иллюзией и распростился навсегда. Затем я стал понимать не только людей и человеческий характер, но также скрытые пружины общественной жизни. Я ясно осознал созидательную работу неведомых масс, о которой редко упоминается в книгах, и понял значение этой строительной работы в росте общества... Я понял разницу между действием на принципах дисциплины или же на началах взаимного понимания... В Сибири я утратил всякую веру в государственную дисциплину: я был подготовлен к тому, чтобы сделаться анархистом" [24].

Социально-экономические условия Сибири 2-й половины XIX в. способствовали развитию в сибирском обществе противоречий и конфликтов. В аграрных отношениях Сибири в пореформенный период сохранялись пережитки феодализма. Право собственности на землю

оставалось в руках казны и Кабинета /последний располагал крупными земельными владениями на Алтае и в Забайкалье/. Все это при отсутствии четких границ крестьянского землепользования создавало условия для вмешательства администрации в поземельные отношения и хозяйственную жизнь крестьян, ограничения их землепользования в целях увеличения доходов земельных собственников от эксплуатации угодий [25],

Аграрную политику царизма пореформенного периода в Сибири, по мнению В.Н.Худякова, можно разделить на два этапа. На первом /начало 1860-х - середина 1880-х гг./ Сибирь выступала, в основном, в качестве резерва для осуществления будущих аграрных программ самодержавия. Имела место общая буржуазная направленность. Крепостнические черты были связаны с намерением правительства насадить в Сибири дворянское землевладение, расширить доходность казенно- оброчного и лесного хозяйства. Однако с конца 60-х гг. правительство вынуждено было временно отказаться от попыток распространить на Сибирь помещичье хозяйство.

Второй этап начался с середины 80-х гг., когда Сибирь стала основным переселенческим районом, и закончился революцией 1905 г. Он ознаменовался решительным наступлением царизма на права и земли сибирских крестьян. В правительственных кругах в это время оформилась реакционная социальная программа предотвращения в Сибири капиталистических отношений, насаждения в регионе рядом с парцеллярным крестьянским хозяйством хозяйства помещичьего.

Основным средством реализации этой программы стали землеотводные и землеустроительные работы [26]. Правительство ограничило землепользование крестьян 15 десятинами на мужскую душу. Кроме того, в Сибири, богатой лесом, крестьяне страдали от его недостатка, так как казна и Кабинет захватили в свое непосредственное владение лесные территории как наиболее доходные. Поэтому до 40 % селений на государственных и 57 % на кабинетских землях не получили лесных наделов. Это обстоятельство было непосредственной причиной массовых порубок и "лесных бунтов" в Сибири, особенно на Алтае [27]. Практическими последствиями аграрной политики царизма в Сибири было ограничение площади крестьянского землепользования, сокращение владельческих прав сибирского крестьянства на землю и создание на этой основе крупного земельно-оброчного и лесного хозяйства казны. По мнению В.Н.Худякова, эту массовую узурпацию крестьянских земель и прав можно квалифицировать как крупный аграрный переворот [28].

Одновременно сибирское крестьянство, как податное сословие, обязано было вносить казенные, сельские /мирские/, земские и церковные подати. Сохранились и такие пережитки феодализма, как натуральные повинности /дорожная, гоньбовая, квартирная/ [29]. Все это вместе взятое создавало почву для развития 1-й социальной войны.

С развитием капитализма, и особенно в период империализма, социально-экономической почвой анархизма в Сибири могла стать и, частично, стала мелкая буржуазия /средние слои деревни и города/ в специфических условиях социального разложения, разорения, "размывания", пролетаризации и люмпенизации. "Итак, собственник и труженник, хозяин и работник, кто же конкретно входит в эту категорию? Исторически и логически прежде всего крестьянин и кустарь - главные слои мелкотоварного производства", - определяет социально-экономическую сущность мелкой буржуазии ведущий исследователь этой проблемы А.И.Левковский. "Существенна и неравномерна ее концентрация в пределах государства. Основным ее бастионом долгое время была, конечно, деревня" [30]. Крестьянская реформа положила начало относительно ускоренному развитию капиталистических отношений в сельском хозяйстве, следствием чего явилось социальное разложение деревни. Неотъемлемый от капитализма и империализма процесс, когда меньшинство мелкой буржуазии "среднего класса", богатеет и выходит в капиталисты, а

большинство, разоряясь и нищая, превращается в наемного рабочего, - этот процесс был характерен и для Сибири. Особенно он усилился с середины 80-х гг., что было связано с ростом переселенческого движения, пополнявшего преимущественно ряды деревенской бедноты, и усиливавшего внутри, общинные противоречия. Уменьшение количества свободных угодий, находившихся в пользовании крестьянских обществ, усугубляло различия между отдельными слоями, социальными группами крестьянства [31].

Социальная неоднородность сибирского крестьянства, характеризующая, в свою очередь, степень разложения класса и его поляризацию в период империализма, четко просматривается в социальной структуре сибирской деревни того периода. В.П.Сафронов в исследовании об Октябрьской революции в Сибири повторил цифры переписи 1920 г. с указанием, что изменения не могли быть сколько-нибудь существенными: бедняки - 55,7%; середняки - 32,9%; кулаки - 11,4%. М.М.Шорников пришел к несколько отличным итогам: бедняки - 40-50%; середняки - 30-40% и кулаки - 15-20%. Близки к этим цифрам и почти совпадают с ними данные авторов книги "Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период": бедняки - 40-50%; середняки - 35-40%; кулаки - 15-20%. В работах общесоюзного и общероссийского охвата называются обычно более высокие проценты сибирского кулачества. В частности, в книге Л.М.Спирина "Классы и партии в гражданской войне в России" говорится, что кулачество вместе с зажиточным крестьянством в Сибири составляло около четверти населения. Здесь в процентное число кулаков включена часть зажиточных сибирских середняков, которые материально по меркам Европейской России подходили под определение кулаков[32].

Именно в сложной гамме переходных /от мелкого буржуа к пролетарию/ социальных групп и группок анархисты часто находили своих приверженцев. Постепенное разложение среднего крестьянства в Сибири в эпоху империализма и неустойчивость его хозяйственного положения, эксплуатация со стороны буржуазных элементов /кулаков, ростовщиков, купцов/ явились социально-экономическими предпосылками для развития 2-й социальной войны. Следствием этого стало участие в революционном движении, в том числе и в социалистической революции, не только бедняков, но и середняков. Часть из них, в силу ряда социально-экономических, политических, идейно-психологических причин и в силу традиций, вступила в революционную борьбу под знаменем стихийного и идейного анархизма.

Необходимо добавить, что, наряду с 1-й и 2-й социальными войнами, в российской и сибирской деревне при определенных условиях на короткое время мог возникнуть и возник конфликт, который условно можно именовать 3-й социальной войной. Этот конфликт означал борьбу большей части крестьянства /кулаков, большинства середняков и некоторой части бедняков/ против политики "военного коммунизма" и военно-коммунистической диктатуры /в Сибири это имело место в 1920-1921 гг./. В этой "войне" анархисты играли не последнюю роль. За ними могли пойти, и пошли представители всех социальных слоев сибирской деревни, в том числе часть полярных сил: бедняков и кулаков одновременно. На факт поддержки кулачеством анархистов - в основной своей массе левой даже крайне левой политической силы - особо обратил внимание Л.М.Спирин, который отмечал, что "за анархистами могут идти в определенных условиях и зажиточные крестьяне, и кулаки. Гражданская война в России дала тому немало примеров. Богатые крестьяне выступали под знаменем анархизма в Сибири и особенно на Украине. Для них анархизм был средством борьбы с пролетарским государством, с его хлебной монополией, продразверсткой и т.д." [33] Социальная и политическая база анархизма в Сибири, таким образом, могла при определенных условиях расширяться, что и произошло в 1920-1921 гг.

Мелкобуржуазные слои /ремесленники, мелкие торговцы служащие/ были значительными и в городах Сибири, "Мелкие города - главный оплот мещанства..." - отмечал В.И. Ленин относительно Германии XIX века[34]. Это, в целом, применимо и к Сибири начала XX века.

Большинство сибирских городов можно отнести к разряду мелких: Курган Мариинск, Туринск, Тара, Тюкалинск, Ишим, Петропавловск, Кокчетав, Камень-на-Оби, Славгород, Новониколаевск, Кузнецк, Бийск, Горно-Алтайск /Западная Сибирь/; Канск, Туруханск, Минусинск, Енисейск, Нижне-Удинск, Верхне-Удинск, Троицкосавск, Черемхово, Нерчинск, Сретенск, Киренск, Бодайбо, Якутск /Восточная Сибирь/. К разряду средних относились Тобольск, Чита. По-настоящему крупными городами являлись лишь Омск, Томск, Тюмень, Барнаул, Красноярск и Иркутск. Но даже в крупных городах мелкая буржуазия /средние слои, мещанство/ составляла значительный процент. Так, в Омске в 1917 г. насчитывалось 140 тысяч жителей, из которых только около 10 тысяч составлял промышленный пролетариат и примерно столько же - рабочие кустарных предприятий. Подавляющую же часть населения города составляли мелкобуржуазные элементы: торговцы, ремесленники, чиновники госучреждений, служащие[35]. Население Иркутска насчитывало 90 тысяч человек, из них рабочих было только около 10 тысяч [36].

Мелкую буржуазию сибирских городов, как и деревенскую, коснулся процесс социального разложения, что неизбежно революционизировало ее и толкало в ряды борцов с самодержавием и капитализмом, в том числе и в ряды анархистов.

Говоря о значении позиции, занимаемой мелкой буржуазией в революционном движении, В.И. Ленин отмечал, что мелкая буржуазия - это именно та переменная величина, которая определит исход революции[37]. Однако участие мелкой буржуазии в революционном движении - как на буржуазно-демократическом, так и на социалистическом этапах - не обязательно должно было проходить исключительно под знаменем РСДРП и большевизма, как на это первоначально рассчитывали революционные социал-демократы и как это позднее доказывали некоторые советские историки. Политические симпатии российской мелкой буржуазии, в том числе и мелкой буржуазии Сибири, как показала практика, распределялись между разными политическими силами: большевиками, меньшевиками, неонародниками, анархистами, националистами, либералами. Собрать силы трудящихся, в том числе и мелких буржуа, в единое русло революционной борьбы была призвана тактика "левого блока", т.е. тактика единства действий всех левых сил. В Сибири эта тактика успешно осуществлялась на протяжении 3-х революций, хотя левыми партиями /большевиками, меньшевиками, эсерами, анархистами/ она понималась несколько по-разному, что преодолевалось в ходе совместной борьбы за достижение общих ближайших целей, первой из которых было свержение самодержавия [38].

Нельзя упускать из внимания и тот факт, что Сибирь на протяжении 3-х столетий была основным местом российской уголовной ссылки. "Установленная еще в XVII столетии ссылка преступников в Сибирь некогда содействовала заселению этого обширного и обильного естественными богатствами края, нуждающегося в рабочих силах..." - говорилось в одном из правительственных документах[39].

По данным Главного тюремного управления, на 1 января 1898 г. в Сибири /с Дальним Востоком/ сосредоточилось до 310 тысяч ссыльных всех категорий, в том числе ссыльнокопаторжных 10688 /3,4 %/, ссыльнопоселенцев 100595 /32,8 %/, водворяемых рабочих 39683 /12,8 %/, сосланных на жительство 9881 /3,2 %/, административно ссыльных 148418 /48,9 %/. В общей массе ссыльных политические составляли в это время менее 1 %. Среди всего населения Сибири ссыльные к 1897 г. составляли около 5 % [40]. Не надо также забывать о том, что к концу XIX в. некоторая часть свободного сибирского населения являлась потомками ссыльных, отбывавших наказание ранее.

Для уголовных ссыльных был характерен антисоциальный настрой, направленный против существующего государства или его отдельных институтов. Не случайно анархисты возлагали на уголовный мир определенные надежды. Так М.А. Бакунин в письме к С.Г. Нечаеву в 1870 г.

высказывал уверенность, что "...при первом крупном народном восстании бродяжнически-воровской мир, глубоко вкорененный в нашу народную жизнь и составляющий одно из ее существенных проявлений, тронется, и тронется могущественно, а не слабо"[41]. Поэтому неслучайно на протяжении ряда лет в начале XX века идейные сибирские анархисты старались вести работу среди уголовных и находили некоторый отклик в их среде. Результатом этой работы стало то, что часть бывших уголовных преступников в 1905 - 1920 гг. шагнула в революцию под черным знаменем анархии.

К проявлению анархистского образа действий или стихийного анархизма в конце XIX - начале XX вв. следует отнести разгромно-бунтарские выступления крестьян и других категорий трудящихся - стихийные бунты, самовольные массовые порубки леса, разгромы винных лавок, продовольственные беспорядки, спонтанные покушения на жизнь должностных лиц. Эти формы классовой борьбы были характерны и для Сибири. "...Случалось, что крестьянские движения начинались столкновениями с властями на почве, далекой от всякой революции, или принимали характер не столько революционный, сколько анархистски-бунтарский, даже просто погромный" - характеризовал особенности некоторой части крестьянского движения в Сибири начала XX в. видный деятель партии эсеров, сибиряк Е.Е.Колосов. - ".../.../ Некоторый примитивный анархизм вообще свойственен крестьянскому мировоззрению, и он неизбежно должен был проявляться в крестьянском движении"[42].

В 1861-1904 гг. в Сибири произошли 47 самовольных коллективных порубок, а за 1905- май 1907 гг. - 271. За период первой российской революции в сибирской деревне произошло 16 покушений на должностных лиц, 161 неповиновение властям и сопротивление им[43]. Одним из наиболее ярких проявлений анархо-бунтарских выступлений сибирского крестьянства в период первой революции 1905-1907 гг. стали так называемые "лесные бунты" на Алтае[44].

Во время первой революции в Сибири имели место факты применения крестьянами и казаками без какого-либо политического руководства так называемого "революционного захватного права" в отношении казенных и кабинетских земель. Такие факты наблюдались в Забайкалье, Иркутской губернии, станицах Амурского казачества, на Алтае.[45] В 1905- мае 1907 г. в Сибири произошли 57 самовольных захватов казенных и кабинетских земель[46].

Выступления анархо-бунтарского характера в сибирской деревне имели место и после первой российской революции [47].

В советской историографии подобные факты часто без каких-либо комментариев причислялись к революционному движению, хотя стоит оговаривать, что они являлись проявлением анархо-бунтарской струи этого движения. Большинство из этих форм борьбы было проявлением разрушительной стороны анархизма, в данном случае - стихийного.

Однако, анархизм имел и созидательную сторону /самоорганизация, самоуправление/, истоки которой прослеживаются на сибирском материале. В XIX - начале XX вв. здесь продолжал существовать и развиваться опыт самоуправляющейся организации масс - артелей и более сложных кооперативов, а также общин и коммун.

В Сибири, как и во всей России, традиционной формой производственного самоуправления являлась артель. По профессиональной классификации известны артели охотников, лесорубов, углежогов, землекопов, каменщиков, плотников, бурлаков, грузчиков, старателей-золотничников, пимокатов, маслоделов и др. С юридической точки зрения различались 3 типа артелей: 1/ официально зарегистрированные, уставные; II традиционные договорные и 3/ нелегальные договорные. Большую часть артелей в Сибири составляли договорные /2-й и 3-й типы/.

Самоуправление в артели держалось на традиционном уважении к старикам, на авторитете лидеров. Строгая дисциплина в промысловых артелях диктовалась суровыми, часто

экстремальными условиями труда, когда от решения старосты, от его опыта зависела не только удача, но, иногда, и жизнь самих артельщиков. Равенство в артели не было абсолютным. Заработок распределялся поровну - только между равноправными членами /пай/. Староста получал 2 пая, новички - от четверти до трех четвертей пая [48].

Отдельные артели перерастали в кооперативы с более сложной организацией и более значительным масштабом деятельности. На всю Западную Сибирь была известна продукция барнаульской артели пимокатов. За рамки не только Сибири, но и России распространялась известность Западно-Сибирского союза маслодельческих кооперативов, имевшего широко разветвленную систему закупки, переработки и сбыта по всей Западной Сибири. Продукция этого кооператива успешно конкурировала на мировом рынке с иностранной /датской/ продукцией [49].

Значительно реже артелей традиционных и ремесленных встречались в Сибири артели промышленных рабочих и крестьянские - сельскохозяйственные. Тем более интересным представляется их опыт.

Уникальна история заводского рабочего самоуправления на Абаканском металлургическом заводе. Предприятие, которое из-за плохого управления владельца пришло в упадок, было с разрешения правительства взято рабочим коллективом в 1888 г. во временное пользование. Коллектив рабочих /около 150 чел./ объявил о создании "артели мастеров и рабочих Абаканского завода". Все основные вопросы деятельности артели решались на сходах /собраниях/ коллектива. Собрание определяло объем работы, решало вопросы сбыта продукции, приема и увольнения, размеров и выплаты зарплаты. В перерывах между собраниями вопросы деятельности артели решались Хозяйственным комитетом, в состав которого входили управляющий заводом /технический руководитель/, артельный староста и выборные представители по одному от каждого основного цеха. Эффективность предприятия была высокой. Однако, просуществовав 12 лет, в 1900 г. рабочая артель по воле царской администрации лишилась права временного пользования заводом [50].

Во 2-й половине 90-х гг. XIX в. в Покровской волости Барнаульского уезда Томской губернии возникла и действовала первая в Сибири сельскохозяйственная крестьянская артель из украинских переселенцев /поселок Родина/. Кроме того, это был единственный случай применения артельной формы кооперации при переселении крестьян. Основанная на общественной собственности на средства производства и землю, артель, однако, не смогла успешно функционировать в условиях рыночной экономики и распалась. Основными причинами распада явились 1/неконкурентоспособность предприятия с общественной собственностью на средства производства без достаточного стартового капитала, 2/низкая эффективность производства и связанные с этим попытки использовать общественные средства производства в личных целях и 3/ неудачно выбранная местность /без леса, воды, с низким качеством земли [51].

Нельзя не согласиться с В.П.Зиновьевым, что артельная организация труда в Сибири - многовековая традиция, оказавшая существенное влияние на формы организации промышленного труда в крае в XIX - начале XX вв. Артель почти всегда выступала организационной формой мелкого товарного промысла, требующего кооперации мускульного труда. Она же преобладала на сдельных работах ручного характера на капиталистических мануфактурах - шахтах, приисках, на строительстве дорог. Артель являлась наиболее близкой для крестьян Сибири формой производственной кооперации и реальной альтернативой частнокапиталистической форме обобществления производства в Сибири. Артель была, безусловно, архаичной формой организации труда, но такие ее главные принципы, как взаимная ответственность, взаимопомощь, оплата по труду, демократизм, делали ее привлекательной и перспективной для трудящихся Сибири [52]. Не случайно в 1917-1918 гг. довольно широкое

распространение в Сибири получило руководимое или направляемое анархистами движение за социализацию промышленности, которое не в последнюю очередь базировалось на артельном опыте владения собственностью и организации труда[53].

В дореволюционной Сибири имелся и опыт организации сельскохозяйственной коммуны, причем это была одна из первых сельскохозяйственных коммун в России, возможно, что и первая, Коммуна /или Артюховская земледельческая община/ получила свое название от имени ее организатора, крестьянина Нижегородской губернии В.Ф.Артюхова, участника революционных событий 1905-1907 гг., под влиянием которых он стал убежденным социалистом. После освобождения из тюрьмы Артюхов решил основать земледельческую коммуну там, "где не было бы и следов фанатизма личной собственности". Такое место он нашел в Сибири, на Алтае, недалеко от села Новокаменского Кузнецкого уезда Томской губернии. Весной 1910 г. коммуна начала свое существование. На занятом переселенцами участке был построен барак с нарами, сложена печь на два котла. Под навесом разместилась общая столовая. Коллективный труд велся по разнарядке Общинного совета. Имущество и доходы были обобществлены.

Однако, просуществовав около двух лет, коммуна распалась. Первыми против общинных порядков выступили женщины, которых не устраивали общий котел и совместное проживание в бараке, державшие в постоянном напряжении чувства семейного плана. Затем недовольство стали проявлять мужчины, которые возмущались отсутствием у некоторых членов коммуны бережливого хозяйственного отношения к общественному имуществу и добросовестного отношения к труду. Но ликвидация коммуны не вызвала у бывших ее членов вражды и неприязни друг к другу. Артюховцы продолжали дружно жить в основанной ими деревне, даже сплоченнее чем крестьяне окрестных сел[54].

Приведенные выше факты свидетельствуют о наличии у трудящихся Сибири в XIX - начале XX вв. развитых навыков и традиций негосударственной самоорганизации и территориально-производственного самоуправления, хотя не во всех случаях опыт самоорганизации и самоуправления может быть признан удачным.

В конце XIX- начале XX вв. в Сибири продолжал существовать и развиваться "религиозный анархизм", имевший здесь давние традиции. Наблюдалась антиправительственная агитация старообрядцев. В начале XX в. в Барнауле на революционные настроения пимокатов определенное влияние оказывали староверы Рубцов /крестьянин/ и Петренко /мелкий торговец-книгоноша/[55]. Анархистские мотивы присутствовали в "Разглагольствии Тюменского странника" - произведении, популярном среди религиозных сектантов 2-й половины XIX в.[56] Из семьи павлодарских купцов-старообрядцев происходил самобытный сибирский писатель А.С.Сорокин, в чьем творчестве присутствуют анархистские мотивы непризнания капитализма и буржуазных ценностей.[57] В оппозиционной деятельности старообрядцев Сибири была представлена такая форма борьбы, как отказ служить в армии. Чаще всего он носил индивидуальный или мелкий групповой характер, но встречались факты широкого массового протеста. Так; массовое сопротивление при первом наборе на военную службу было оказано бухтарминцами в 1878 г.[58]

Анархистские мотивы имели место в учениях староверов, "общих", малеванцев, духоборов. По заключению Департамента полиции МВД, "присущая анархизму идея полного отрицания всякой власти" лежала в основе вероучения адвентистов[59]. Последние принадлежали к западному протестантизму, но в начале XX в. их последователи также появились в Сибири. Так, в Омске в 1911 г. был 41 приверженец этого учения[60]. Анархистские мотивы в деятельности сектантов выражались не только в непризнании властей и отказе от воинской службы, но, иногда, в попытках организации "общей жизни по типу коммун" и "анархической взаимопомощи"[61]. Последнюю П.А.Кропоткин считал главнейшей движущей силой развития человеческого общества[62].

Наиболее последовательно из всех сектантов отрицание государства и сопротивление эксплуататорскому обществу выражали духоборы. В начале 1890-х гг. большая часть духоборов, объединившаяся вокруг своего идеолога и вождя П.В. Веригина, решила - уничтожить совершенно частную собственность, сжечь оружие и отказаться от военной службы, не творить никому зла и насилия, а тем более никого не убивать..." Духоборы образовали "Христианскую общину Всемирного братства". Ее члены подвергались жестоким репрессиям царских властей. В конце XIX в. П.В.Веригин был сослан в Сибирь /Обдорск/. Часть духоборов эмигрировала в Северную Америку, где в Канаде образовала сельскохозяйственную общину-коммуну, достигшую определенных экономических успехов[63].

Духоборство, наряду с другими сектантскими учениями стало одним из духовных источников толстовства - религиозно-этического учения, вышедшего за традиционные рамки сектантства и воспринявшего некоторые элементы политической деятельности. Заимствовав общие идеи некоторых сект и оттолкнувшись от них, толстовство пошло дальше. Оно синтезировало в себе идеи старообрядчества /религиозный русский протестантизм/, классического анархизма /полное отрицание государства и самоорганизация/, общинного социализма /признание сельхозобщины ячейкой социализма/ и либерализма /подчеркнуто мирный, реформистский характер учения/. Одновременно в сопротивлении капитализму, царизму и официальной церкви толстовство стало подобием "общего политического знаменателя" для других сект, идеи которых ранее заимствовало. Так, по заключению Департамента полиции МВД, в начале XX в. в духоборском движении усматривалось влияние учения Л.Толстого[64].

В конце XIX- начале XX вв. в Сибири, как и в некоторых других районах страны, толстовство получило распространение [65], главным образом, среди крестьянства, в наиболее доступной и понятной ему форме сектантства. Среди сибирских крестьян и других социальных слоев распространялись произведения Л.Н.Толстого /как художественные, так и политического характера/, его портреты. Из работ политического характера в Сибири имели хождение брошюра "Единственное средство"[66], листовка "Солдатская памятка", в которой содержался призыв не стрелять в народ, не выполнять приказы при усмирении бунтов и беспорядков. Характерно, что содержание листовки было построено на религиозных аргументах [67].

В 1895 г. в статистическом бюро переселенческого управления Омска работал толстовец Смотров, участвовавший в идейно-политическом воспитании местной интеллигенции[68]. Идеи Толстого разделяли активисты кооперативного движения в Барнауле Н.Т. Изюмченко, Е.А. Гордон и группа их последователей [69], активный участник революционных событий в 1905 г. в Красноярске, "президент красноярской республики" прапорщик А.Л. Кузьмин[70]. Активным проводником толстовского учения стал сын богатого сибирского золотопромышленника К.М.Сибиряков[71].

Толстовцы были последовательными безгосударственниками, "христианскими социалистами-общинниками". Главное зло государства, считали они вслед за Л.Н.Толстым, заключается даже не в уничтожении жизней, "а в уничтожении любви и возбуждении разъединения между людьми". Отрицая государственную власть, они в то же время считали, что "анархизм не значит отсутствие учреждений /вообще/, а только отсутствие таких учреждений, которые заставляют людей подчиняться насилию"[72].

По мнению анархистского историка, "...все элементы массового анархизма, вплоть до строительства, но исключая методы революционного наступления, в русском сектантстве налицо, правда, в весьма своеобразных формах"[73].

Отмечая в конце XIX в. рост оппозиционности царизму в крестьянской среде в форме сектантства, В.И.Ленин указывал, что "...выступление политического протеста под религиозной

оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития, а не одной России"[74]. На II съезде РСДРП в 1903 г. была принята специальная резолюция "О работе среди сектантов"[75].

Однако, на рубеже XIX-XX вв. антиправительственная пропаганда религиозных протестантов-антигосударственников уже не отвечала масштабам задач по организации широкого революционного движения, хотя объективно "религиозные анархисты" являлись неотъемлемой частью этого движения. В Сибири они продолжали вносить свою посильную лепту в революционно-демократическую борьбу против царизма и капитализма. Но, при этом, "религиозный анархизм" в Сибири все больше отходил на задний план, уступая место классическому анархистскому движению.

Необходимо, однако, подчеркнуть, что наличие объективных условий для анархистского движения в Сибири в виде благоприятной социально-экономической и психологической почвы автоматически еще не предопределяло его широкого распространения в крае. Для этого были необходимы и субъективные предпосылки: наличие политического ядра, того зерна, которое, упав на благоприятную почву, проросло бы всходами анархистского политического движения. Однако, функционеры-анархисты до 1906 г. были редкостью в Сибири, уступая широкое поле деятельности другим левым политическим силам - социал-демократам /большевикам и меньшевикам/ и социал-революционерам.

Первые активные представители более-менее оформленного российского анархистского движения стали поступать в сибирские каторжные тюрьмы и ссылку в первые годы XX в.[76] В монографии Э.Ш.Хазиахметова приведен некоторый материал по анархистской части ссылки Сибири. Автор называет цифру 15 групп, образовавшихся в сибирской ссылке в период с 1906 по 1910 гг. К сожалению, он приводит количество групп за весь период, а не отдельно по годам. Э.Ш.Хазиахметов указывает, что первые группы ссыльных анархистов возникли в Западной Сибири и обращает внимание на одну из влиятельных сибирских групп в "многопартийной" ссыльной колонии в Колпашево Томской губернии /1906 г./[77]. Среди первых анархистов Сибири, пытавшихся вести работу по распространению идей анархизма в крае, были ссыльные М.М.Финкельштейн и Я.Б.Сандомирский, бывшие каторжане З. Берман и Н.Кон. Л.Д.Троцкий вспоминал об общении в конце XIX в. в сибирской ссылке с анархистом, народным учителем Лузиным, пытавшимся вести пропаганду анархизма среди ссыльных рабочих [78]. В первом десятилетии XX в. ссылку в Сибири отбывали такие известные в дальнейшем анархисты, как Я. Новомирский, П.Турчанинов, И.Гейцман [79].

Анархисты попадали в Сибирь и другими путями. Так, в первые годы XX в. в поисках работы в Томскую губернию с Урала перебрался А.Н. Буйских[80]. Скрываясь от жандармов, в Иркутск в 1908 г. из Грузии переехал Н.А. Каландаришвили, бывший социалист-федералист, эсеровский боевик, активный участник революции 1905-1907 гг., ставший анархистом уже в Сибири[81].

В период 1906-1907 гг. в Сибири интенсивно формировались местные кадры анархистов, особенно в Омске, Томске, Красноярске, Чите [82].

Именно в Сибири в среде ссыльных зародилось одно из направлений анархизма - махаевщина. Близкое к анархо-синдикализму, но более радикальное, оно получило свое название от фамилии В.К. Махайского, находившегося в конце 90-х гг. XIX в. в сибирской ссылке /Вилуйск/. В 1898 г. он написал первую часть своей книги "Умственный рабочий", и читал ее в виде рефератов своим товарищам по ссылке. Тогда же ему удалось создать небольшую группу /кружок/ последователей[83].

Характеризуя многообразие социальных слоев и групп, в которых находила отклик и поддержку анархистская идея, большевистский публицист В.Базаров нарисовал такой групповой

социальный портрет: тут и представители интеллигентской богемы, которые ищут психологической свободы от всего, навязанного общественным мнением; тут и трудовые собственники - мелкие буржуа, протестующие против крупной капиталистической собственности-кражи и стремящиеся возродить золотое царство экономической справедливости через свободные союзы самостоятельных товаропроизводителей; тут и полные христианского смирения крестьяне-сектанты, застывшие в ужасе перед антихристовым нашествием городской цивилизации с ее разделением труда, властью денег, борьбой классов, крушением всех прадедовских устоев; тут и босяцкий протест против вообще всякой социальной организации и злобная месть обществу со стороны бывших его членов, "бывших людей", безжалостно выброшенных "на дно", за борт общественного корабля[84]. Все эти социальные типы на протяжении конца XIX - начала XX в. постоянно встречались в Сибири и пополняли собой растущее анархистское движение. Узнаваемой для Сибири звучала и характеристика М.А. Бакуниним движущих сил грядущего анархистского бунта. "Одним из главных средств к достижению этой последней цели /всемирного бунта - А.Ш./, по моему глубокому убеждению, может и должно служить наше вольное всемирное казачество, бесчисленное множество наших святых и несвятых бродяг, богомоллов, бегунов, воров, разбойников,- весь этот широкий и многочисленный подземельный мир, искони протестовавший против, государства и государственности и против немецко-кнудовой цивилизации" [85].

Таким образом, факторами, способствовавшими возникновению в начале XX в. в Сибири анархистского движения, являлись:

- значительный удельный вес мелкой буржуазии /средних слоев/ в социальной структуре Сибири;
- "размывание", разорение, люмпенизация мелкой буржуазии сибирских деревни и города в условиях империализма;
- давние традиции народного старообрядческого протестантизма, носившего в себе некоторые черты "религиозного анархизма";
- традиции общинного /казачьего и крестьянского/ самоуправления;
- уходящий корнями в глубь веков вольнолюбивый и независимый характер значительной части сибирского населения;
- наличие значительного числа уголовных ссыльных и каторжан с их антисоциальным, антигосударственным настроением;
- появление в крае анархистов-политссыльных.

Сибирские условия повлияли на складывание мировоззрения классиков и вождей российского и мирового анархизма М.А.Бакунина и П.А.Кропоткина, на разработку ими анархистского учения. Это учение, уже в оформленном виде вернувшееся на "сибирскую почву", нашло здесь в начале XX в. своих новых последователей.

ИСТОЧНИКИ

1. См.: Катанаев Г.Е. Западно-Сибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии. Вып. 1. Спб., 1908,
2. Мусикевич А.Ф. Казачество в освоении восточных районов России в XVI -начале XX веков II Урало-Сибирское казачество в панораме веков. Томск, 1994. С. 18-19,
3. Там же. С.17.
4. Зуев А.С. "Выбрали мы с товарищи меж собою": Традиции казачьего самоуправления в Сибири XVIII в. II Социально-политические проблемы истории Сибири. Бахрушинские чтения 1994 г. Новосибирск, 1994. С. 11-12.
5. Там же. С.11, 19.

6. Мамсик Т.С. Побег как социальное явление. /Приписная деревня Западной Сибири в 40-90 гг. XVIII в./ Новосибирск, 1978. С.117-119.
7. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С.304.
8. История Сибири /Учебное пособие/. Томск, 1987. С.220.
9. Советская историческая энциклопедия /СИЭ/. Т.Х С.380.
10. Должиков В.А., Сухотина Л.Г. Указ. соч. С.22.
11. Имелись и другие "адреса" Беловодья: Дальний Восток и "Опоньское царство".
12. Кривоносое Я. Беловодье - земля непокорства и духовных исканий // Барнаул. 1995. № 2. С. 159.
13. Ипатов А.Н. Бухтарминцы // Отечественная история с древнейших времен... Т.1. С.325; История Сибири. /Учебное / С.221.
14. Покровский Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск 1974. С.329.
15. История Сибири. /Учебное... / С.221.
16. Мамсик Т.С. Крестьянское движение в Сибири /2-я четверть XIX в./ Новосибирск, 1987. С. 179-182, 200; Беловодье" // ССЭ. Т.1. С.271; Крестьянское движение в Сибири. 1861- 1907 гг. Хроника и историография. Новосибирск, 1985. С. 141.
17. Должиков В.А. "Сибирский" фактор в эволюции, С.7.
18. Цит. по: Там же. С.6-7.
19. Там же. С.7.
20. Должиков В.А. М.А. Бакунин и Сибирь. С.119. "
21. Там же. С.114-116, 120,122; Он же. М.А.Бакунин и народные бунтари Алтая... С.79
22. Должиков В.А. М.А. Бакунин и Сибирь. - С.118, 123, 126.
23. Маркин В.А. Петр Алексеевич Кропоткин. /Предисловие/. С. 19-20.
24. Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1990. С. 197-198.
25. Крестьянское движение в Сибири. 1861-1907 гг. С.59. ^
26. Худяков В.Н. Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период. Томск, 1986. С.262-263.
27. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983.С.200-201.
28. Худяков В.Н. Указ. соч. С.263.
29. Крестьянское движение в Сибири. 1861-1907 гг. С.59.
30. Левковский А.И. Мелкая буржуазия: Облик и судьба класса. М., 1978. С. 10-11.
31. Крестьянское движение в Сибири. 1861-1907 п. С.60.
32. Познанский В.С. Очерки истории вооруженной борьбы... С.34-35; Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск. 1982. С, 175; Спирин Л.М. Классы и партии в гражданской войне... С. 146,
33. Спирин Л.М. Классы и партии в гражданской войне... С,55. .
34. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.23. С.341.
35. Спирин Л.М. Классы и партии в гражданской войне... С.247-248.
36. Кожевин В.Б. Указ. Соч. С.22.
37. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 14. С.24.
38. О тактике "левого блока" в Сибири подробнее см.: Штырбул А.А. Борьба большевиков Сибири за осуществление ленинской тактики "левого блока" в период революции 1905-1907 гг. Автореф. дис. к.и.н. Новосибирск, 1989; Новиков С.В. К проблеме большевистской тактики "левого блока"; Он же. К проблеме блоков революционных партий Сибири...
39. Марголис А.Д. Система сибирской ссылки и закон от 12 июня 1900 г. // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири. XVIII- начало XX в. Новосибирск, 1978. С. 127.

40. Там же. С.135-136.
41. Бакунин М. Философия. Социология. Политика. С.543.
42. Колосов Е Указ. соч. С.29.
43. Крестьянское движение в Сибири. 1861-1907 гг. С.317, 322.
44. Революционное движение 1905-1907 гг. в Томской губернии. Томск, 1955. С. 102-103,106,114-124.
45. Ветошкин М.К. Большевики Дальнего Востока в первой русской революции. М., 1956. С. 102-103.
46. Крестьянское движение в Сибири. 1861-1907 гг. С.322,
47. См.: Крестьянское движение в Сибири. 1907-1914 гг. Хроника и историография. Новосибирск, 1986; ГААК. Ф.П-1 Ол.1. Д.69/все дело/.
48. Зиновьев В.П. Артель в дореволюционной Сибири // Проблемы социально-экономического развития и общественной жизни России /XIX- начало XX вв./ Омск, 1994. 28-31.
49. В дальнейшем Западно-Сибирский союз кооперативов попал под контроль кулацких верхов, а в политическом отношении к 1917 г. был под влиянием сибирских эсеров.
50. Комогорцев И. Заводы-рабочим? // Земля Сибири /Новосибирск/. 1992. №4. С.53-54.
51. Ноздрин Г.А. Опыт организации первой сельскохозяйственной артели в Сибири: Утопические иллюзии и реальность /1895-1903 гг. // Кооперация в Сибири в XX в.: Опыт, уроки, перспективы. Новосибирск, 1994. С.6, 19.
52. Зиновьев В.П Указ. соч. С.36.
53. О движении за социализацию промышленности в Сибири подробнее см.: Глава III, § 2.
54. Гришаев В.В. История сельскохозяйственных коммун: Итога изучения, проблемы. Красноярск, 1986. С.68-69.
55. ГААК. Ф.П-1061. Оп1. Д.78. Л,6
56. Очерки истории анархического движения в России» М., 1926, С.18.
57. См.: Сорокин А. Напевы ветра. Новосибирск, 1967; Он же. Запах Родины. Омск, 1984; Шепелева В.Б. Фонд короля VI державы // Иртыш /Омск/. 1994. № 1.
58. Ипатов А.Н. Указ. соч. С.325.
59. ГАОО. Ф.270. Оп.1. Д.37. Л53-53 об.
60. Ореол-экспресс /Омск/. 1995.19-25 января.
61. Очерки истории анархического движения в России: С.15.
62. См.: Кропоткин ПЛ. Взаимная помощь как фактор эволюции. СПб., 1907.
63. Очерки истории анархического движения в России! С.30-31.
64. ГАОО. Ф.270. Оп.1. Д.37. Л.53-53об.
65. Канев С.Н. Революция и анархизм. С.188.
66. ГАНО. Ф.П-5. Оп.2. Д.341. Л.4.
67. ГАНО Ф.П-5. Оп.2. Д.92. Л. 3-3об.
68. ЦДННАО. Ф.19. Оп.1. Д.5. Л.1.
69. Барнаульские пимокаты: Очерк революционного, кооперативного и профсоюзного движения. Барнаул, Т9/7, С.20,29.
70. Подробнее об этом см.: Глава II, § 9.
71. Канев С.Н. Революция и анархизм. С. 185,187.,
72. Толстой Л.Н. О государстве: Суеверие государства. Б/м, 1917. С.16, 30.
73. Очерки истории анархического движения в России С.33. •
74. Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т.4. С.228.

75. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9 издание. Т. 1. С.70.
76. Гейцман И.М. Анархисты. С.9
77. Хазиахметов Э.Ш. Сибирская политическая ссылка. С.46.
78. Троцкий Л.Д. Моя жизнь: Опыт автобиографии. М., 1991. С. 136.
79. Образ будущего в русской социально-экономической мысли... С.410; Отечественная история с древнейших времен... Т.1.С.524.
80. Буйских А.Н. Указ. соч. С. 13.
81. Кожевин В.Е. Указ. соч. С. 12-13.
82. Подробнее об этом см.: Глава II.
83. Вольский А. /Махайский/ Умственный рабочий // Образ будущего в русской социально-экономической мысли... С.397-402; Горев Б.И. Указ. соч. С.524.
84. Базаров В. Анархический коммунизм и марксизм. Спб., 1906. С.6.
85. Бакунин М. Философия. Социология. Политика. С.541.